

Сумерки. Алые отсветы заката, дневной свет постепенно угасает.

Сянь Чэньюэ привел в порядок постель. Су Янь сидел на стуле рядом, погруженный в свои мысли, и не сводил с него глаз.

Подтянутая талия, чуть выступающие ягодицы, руки с плавными линиями мышц, грудные мышцы, отчетливо проступающие под рубашкой — даже если бы у него было другое, самое обычное лицо, это не помешало бы ему притягивать взгляды.

— Брат Сянь, — Су Янь поднялся, — ложись у стены.

Сянь Чэньюэ даже не поднял головы:

— Не нужно.

— Ты ведь и прошлой ночью толком не спал, — с глубоким чувством произнес Су Янь.

Окно было сломано, а деревенские жители не собирались его чинить, да и сами они не умели латать такие бумажные рамы. Ночью ветер становился ледяным, и место у окна было самым холодным в комнате.

Увы, забота и добрые намерения Су Яня не заставили Сянь Чэньюэ даже взглянуть на него. Сянь Чэньюэ закончил стелить постель и молча лег.

Сунь Хао и Линь Минь тоже готовились ко сну. Сунь Хао напоминал ходячую бомбу: малейший шорох мог привести его в ярость. Линь Минь, желая держаться от него подальше, расстелила одеяло рядом с Су Янем.

Ночь прошла спокойно, до самого рассвета снаружи не раздавалось никаких странных звуков. Когда в комнату заглянули солнечные лучи, Линь Минь все еще лежала в постели, глядя в одну точку, словно не в силах прийти в себя.

Она повернула голову и увидела, что места, где спали Сянь Чэньюэ и Су Янь, уже пусты, а одеяла аккуратно сложены в изголовье. Только Сунь Хао продолжал спать, свернувшись в комок; даже во сне его прошибал холодный пот.

Завтрака не было — жители не принесли еды, они ели лишь раз в день. К счастью, все пребывали в таком нервном напряжении, что голода почти не чувствовали.

Люди из других комнат уже вышли наружу. Группа, искавшая сладости, отправилась на мельницу молоть соевые бобы; они покинули двор еще в утренних сумерках, даже не успев умыться.

Когда Сянь Чэньюэ вышел во двор, Чэнь Вэй уже принес таз с водой. Он по-прежнему выглядел жалким и беззащитным. Поставив деревянный таз перед Сянь Чэньюэ, он закусил губу и улыбнулся:

— Брат Сянь, умойся.

Это напомнило Сянь Чэньюэ о его брате — мужчине с густой бородой, который при малейшем поводе начинал рыдать. Сянь Чэньюэ помнил, как тот бросился его спасать, получил пустяковую царапину и потом несколько дней лил слезы. Стоило ему взглянуть на Сянь Чэньюэ, как он снова начинал плакать, отчего у того начинала болеть голова.

К счастью, несмотря на слезливость, брат был человеком дела. Как и она. Но она никогда не плакала так некрасиво. Она всегда улыбалась ему в лицо, и лишь когда наступала глубокая ночь, позволяла себе тихо плакать в своей комнате.

Он не питал неприязни к слабым людям. Порой у них оказывалось куда более стойкое сердце.

— Угу, — кивнул Сянь Чэньюэ. Полотенец не было, поэтому он зачерпнул воду ладонями.

Ледяная колодезная вода коснулась кожи. Сянь Чэньюэ закрыл глаза. Когда он снова поднял голову, вода намочила его лоб и черные пряди у висков, капли скатились на грудь, намочив белую рубашку, но он этого даже не заметил.

Сегодня им снова предстояло искать кур. Сунь Хао так и не вышел из комнаты. Линь Минь, не желая его бросать, крикнула в сторону двери:

— Сунь Хао, мы уходим!

Из комнаты донесся рык:

— Я не пойду! Кто хочет, тот пусть и идет!

Линь Минь растерянно пробормотала:

— Ты... ты...

Сунь Хао выкрикнул:

— Я не боюсь смерти! В конце концов, просто умру! Чего тут бояться!

Линь Минь машинально посмотрела на Сянь Чэньюэ, но тот, совершенно не обращая внимания на Сунь Хао, уже направился к выходу. Поколебавшись пару секунд, Линь Минь топнула ногой и поспешила следом.

В этот день они снова не нашли кур. По дороге обратно Су Янь придвинулся к Сянь Чэньюэ и спросил:

— Брат Сянь, что с нами будет, если мы так и не найдем кур?

Сянь Чэньюэ взглянул на него. В глазах Су Яня не было ни страха перед смертью и неизвестностью, ни тревоги — лишь проблеск азартного возбуждения.

— Возможно, умрем, — голос Сянь Чэньюэ звучал холодно, без эмоций, словно не от человека.

Су Янь смотрел на него. Странно. Сянь Чэньюэ тоже посмотрел на Су Яня. У того были очень светлые, янтарные глаза, почти прозрачные на солнце.

И прямо на глазах у Сянь Чэньюэ веки Су Яня начали краснеть.

Сянь Чэньюэ: «...»

Хотя глаза Су Яня покраснели, на губах играла улыбка:

— Я не силен в таких вещах, в квест-комнатах я и пары уровней не прохожу. Наверное, я ничем не смогу тебе помочь, но постараюсь хотя бы не быть обузой. Если есть что-то, что ты не хочешь делать — просто скажи мне, я сделаю.

Несмотря на его развязный вид, в этот момент он казался невероятно искренним, словно в одно мгновение стал другим человеком. Сянь Чэньюэ не понимал, почему все нормальные мужчины рядом с ним вдруг начинают плакать. Он что, лук?

— Как хочешь, — бросил Сянь Чэньюэ.

Су Янь дождался, пока Сянь Чэньюэ уйдет вперед, и коснулся уголков глаз. Умение заплакать по заказу — тоже своего рода талант. Он так долго не моргал, что глаза просто покраснели. Видно, такие люди, как Чэнь Вэй, куда коварнее. Но этот метод сработал: по крайней мере, Сянь Чэньюэ не отмахнулся от него одним лишь «угу». Добавил целых два слова.

Су Янь шел следом, гадая, кем же Сянь Чэньюэ был в реальности. Какая семья и среда могли воспитать такого холодного, немногословного, но при этом пронизательного и умного человека?

Когда они вернулись во двор, Чжао Фэн сидел на корточках у их двери. Он опустил голову, его грузное тело сжалось в комок, а взгляд, полный подозрения и тревоги, рыскал по двору. Увидев Сянь Чэньюэ, Чжао Фэн тут же вскочил и бросился к нему.

— У нас в комнате один умер, — лицо Чжао Фэна было пепельно-серым. — Утром мы думали,

что он просто спит.

Молодой парень, не выспался — никто и подумать не мог, что он испустит дух во сне. Тем более, что в прошлый раз, когда люди умирали, появлялись монстры, а ночью ничего не происходило. У Чжао Фэна стучали зубы.

— Мы все делали, как сказал староста, никаких правил не нарушали, — Чжао Фэн посмотрел на Сянь Чэньюэ.

Ему не с кем было посоветоваться: Цзян Чжунсюю он не доверял, а другой новичок, как и тот рыжий парень, смотрел Цзян Чжунсюю в рот. Поразмыслив, он решил спросить Сянь Чэньюэ. Зная его характер, он был уверен: даже если Сянь Чэньюэ не поможет, то по крайней мере не станет вредить исподтишка.

Сянь Чэньюэ ответил:

— Тебе стоит спросить Цзян Чжунсюя.

Чжао Фэн опешил. Его глаза, и без того узкие из-за жира, расширились:

— Он... он... Он что, убил Чжао Суна?

Сянь Чэньюэ нахмурился. Чжао Фэн осторожно переспросил:

— Разве нет? Я думал, это Цзян Чжунсюй...

— Цзян Чжунсюй не пачкал руки, — холодно произнес Сянь Чэньюэ.

Чжао Фэн смотрел на него остекленевшим взглядом, словно не понимая смысла слов. Если спрашивать о смерти Чжао Суна нужно Цзян Чжунсюю, то почему Сянь Чэньюэ говорит, что тот не убивал лично? Он не верил, что другой паренек решился бы на убийство посреди ночи. Да и даже если бы Цзян Чжунсюй промыл ему мозги, неужели тот не боялся, что его самого убьют? Чжао Фэн не верил, что кто-то может так не дорожить своей жизнью.

У него перехватило дыхание. Но Сянь Чэньюэ явно не собирался ничего объяснять. Чжао Фэн мог лишь смотреть, как тот входит в комнату, не имея смелости спросить о чем-то еще.

— Брат Чжао, не волнуйся, — Су Янь похлопал его по плечу с участливым видом. — Просто держись подальше от Цзян Чжунсюя и будь начеку, тогда все будет хорошо.

Чжао Фэн выдавил улыбку, которая была страшнее слез:

— Я уже встречал Цзян Чжунсюя раньше. Тогда он точно так же вербовал новичков.

Су Янь и Линь Минь молча слушали. Чжао Фэн продолжил:

— Первыми умирали именно те, кто был рядом с ним.

Он замер, встретившись взглядом с Су Янем:

— В первую ночь, когда случилась беда, те, кто жил в той комнате... они ведь разговаривали с Цзян Чжунсюем перед сном, верно?

Линь Минь вздрогнула. У нее была хорошая память, даже несмотря на охватившую ее тогда панику:

— Я помню... трое из них... он подзывал их к себе перед тем, как мы вошли в комнату.

Су Янь удивился:

— Он настолько умеет заговаривать зубы?

Ведь все слышали слова старосты. Как бы красноречив ни был Цзян Чжунсюй, вряд ли за один вечер можно заставить людей беспрекословно подчиняться.

Лицо Чжао Фэна побелело:

— Я так и знал. Я сразу почувствовал неладное. Он хотел использовать человеческие жизни, чтобы проверить...

— Проверить что? — Су Янь пристально посмотрел на Чжао Фэна, его взгляд внезапно стал острым.

Чжао Фэн не закончил фразу. Он опустил голову, словно что-то осознав, а когда снова поднял взгляд, в его глазах читался ужас:

— Это было вчера. Вчера он подтолкнул Чжао Суна к мысли об использовании... заменителя.

Су Янь тоже все понял. Цзян Чжунсюй с самого начала не говорил, что колодезная вода заменит «небесную», он лишь намекал, что есть другие способы. А что это за способы — озвучил Чжао Сун.

Цзян Чжунсюй действительно не убивал лично. Он с самого начала использовал жизни других, чтобы проверять правила. И Сянь Чэньюэ знал об этом с самого начала.

Чжао Фэн дрожал всем телом. Он знал, что это не реальность, что многие игроки пойдут на все ради выживания и не моргнув глазом погубят других, но такого безумца, как Цзян Чжунсюй, он видел впервые.

— Я не могу больше жить с ним в одной комнате! — тело Чжао Фэна сотрясала неконтролируемая дрожь.

Если он останется с Цзян Чжунсюем, тот обязательно его погубит. Даже если он будет молчать, если Цзян Чжунсюй захочет его использовать, у него нет уверенности, что он сможет сопротивляться.

— Брат Чжао, — вздохнул Су Янь, — вы в одной группе. Даже если переедешь, днем вам все равно придется действовать вместе. Тебе остается только быть осторожнее.

Чжао Фэн вдруг посмотрел на Су Яня с ненавистью. Почему не он в группе с Сянь Чэньюэ? Сянь Чэньюэ нашел бы способ пройти испытание и не стал бы вредить другим. Почему же не он? Может, если бы не Су Янь, в группу к Сянь Чэньюэ попал бы он? Может, Су Янь украл его шанс?

Если он умрет... за что? Только потому, что ему не повезло? Только потому, что он оказался в группе с Цзян Чжунсюем? А Су Янь может выжить, ничего не делая? Су Янь тоже его использует!

— Брат Чжао, не заикливайся, — голос Су Яня доносился словно издалека.

Чжао Фэн смотрел на него. Перед лицом смерти разум был подобен туману, который рассеивается от малейшего дуновения ветра. Он скрежетал зубами, его глаза налились кровью, и из горла вырвалось:

— Это я тебя привел! Это я тогда привел тебя к Сянь Чэньюэ!

Су Янь усмехнулся:

— Брат Чжао, ты думаешь, это свидание, где есть очередь? Нет, даже на свиданиях нет никакой очереди.

Лицо Чжао Фэна исказилось, пухлые щеки превратились в оскаленную маску. Он был похож на якшу с картинки.

Линь Минь схватила Су Яня за руку, с тревогой глядя на небо:

— Темнеет! Скоро ночь!

Чжао Фэн злобно бросил Су Яню:

— Ты еще пожалеешь!

Он быстрым шагом направился к своей комнате. Су Янь остался стоять на месте, пожал

плечами и вздохнул с видом человека, познавшего брешь бытия:

— Не смеют винить того, кто действительно вредит, зато винят тех, кто кажется безобидным.

Линь Минь не знала, как его утешить, да и не умела этого делать, поэтому просто сменила тему:

— Пойдем внутрь.

Они вернулись в комнату. Сунь Хао все еще лежал на кровати, свернувшись калачиком. Казалось, он спит, но было ясно, что он бодрствует. Он опустил руки, решив, что шансов на выживание нет, и лучше лежать и ждать смерти, чем изматывать себя бесполезными попытками.

Когда Су Янь вошел, Сянь Чэньюэ сидел на стуле, скрестив руки на груди. Он закрыл глаза, явно не собираясь ложиться на кровать.

— Брат Сянь, помочь тебе постелить? — Су Янь улыбнулся.

Сянь Чэньюэ промолчал. Су Янь не обиделся и старательно расправил одеяло. В жизни ему еще не доводилось прислуживать кому-то, и, как ни странно, этот опыт оказался не так уж плох. Жаль только, что тому, кому «прислуживали», было все равно.

Су Янь прищурился, глядя на профиль Сянь Чэньюэ. Он мог представить, как популярен тот был в реальности. Он соответствовал всем фантазиям об идеальном возлюбленном: безупречная фигура, невероятно красивое лицо, и при этом он не был «всем доступным». Каждый хотел бы стать для него тем самым, единственным.

Небо окончательно почернело. Су Янь лежал в постели, глядя в потолок. Он о многом думал, а может, ни о чем.

Как раз когда он собрался закрыть глаза, до его слуха донесся звук открываемой двери. Кто-то вошел? Су Янь резко повернул голову к выходу...

Сянь Чэньюэ открыл дверь и... в лунном свете шагнул наружу.

Он что, жить не хочет?!

<http://bllate.org/book/18701/1807453>